

*Патриарший экзарх
Всея Беларуси,
Митрополит Минский и Слуцкий Филарет*

ФИЛОСОФИЯ И БОГОСЛОВИЕ В «ПОСТСОВРЕМЕННУЮ» ЭПОХУ

Наш семинар проходит в рамках девятых Рождественских образовательных чтений, которые начались 21 января. Эти чтения регулярно проводит Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви совместно с различными церковными и светскими учреждениями. Почетный председатель чтений — Святейший Патриарх Алексий II. Цель подобных чтений заключается в том, чтобы «способствовать углубленному осмыслению явлений современной жизни с православной точки зрения, помочь лучшему взаимопониманию между людьми, стоящими на разных позициях, открыть пути для их сближения и плодотворного сотрудничества».

Тема нашего семинара — взаимоотношения богословия и философии, перспективы их диалога. Это не первый опыт такого рода. Год назад, в рамках Рождественских чтений здесь же, в Институте философии, впервые была проведена конференция «Христианство и философия». Ее материалы опубликованы¹. Надеюсь, что такие встречи станут традицией и, возможно, будут устраиваться чаще, чем один раз в год.

---

¹ VIII Рождественские образовательные чтения. Христианство и философия. Сборник докладов конференции (27.01.2000). М., 2000.

Прежде всего, хотел бы поблагодарить директора Института философии Российской академии наук Вячеслава Семеновича Степина. То, что мы встречаемся в этих стенах, само по себе является знаком времени, знаком перемен. На протяжении долгого периода такая встреча была бы просто невозможна.

И дело не только в том, что сняты прошлые запреты и утверждена свобода — как свобода веры, так и свобода интеллектуальной деятельности. *Изменилась культурная ситуация.* Мир вступил в новую эпоху, для которой уже не характерно резкое противостояние свободной светской мысли, с одной стороны, и верующего разума, с другой. На повестке дня стоят новые проблемы. Среди них — дегуманизация, глобализация, власть технологий, предельный культурный плюрализм. Они создают контекст той культуры, которую иногда называют культурой пост-модерна, или постсовременности. Ее же иногда называют и постхристианской культурой.

Новая эпоха требует осмысления, определения «духовной ситуации времени», если вспомнить название известной книги Карла Ясперса (1947). Это задача для философии, но также и для богословия. Она связана, в частности, с вопросом о смысле и роли *традиции*. Какое значение имеет философская традиция для современного мышления? Следует ли в данном случае говорить о разрыве или все-таки о преемственности? Это вопрос, обращенный к философам.

Слово «современность» (или «модерн») обозначало время новизны, разрыв с тем, что устарело, осталось в том прошлом, которое стремились преодолеть в новом творческом усилии. Что же означает «постсовременность»? Может быть, новое внимание к прошлому, которое не во всем устарело?

Что касается православного богословия, то оно по существу своему опирается на традицию, но в то же

время и продолжает ее. Богословствовать современно — значит мыслить в согласии с преданием веры, но в то же время отвечать на вопросы, которые ставит жизнь.

Один из таких вопросов касается выражения «постхристианская эпоха». О чем оно говорит? О том, что христианство окончательно ушло из жизни, из культуры? Или же о том, что сегодня, в новую эпоху, мы можем по-новому осмыслить христианское наследие европейской культуры и заново поставить вопрос о его актуальности? Ведь христианство продолжает присутствовать и в том мире, который называют постхристианским. И это также вопрос, обращенный не только к богословам, но и к философам.

Применительно к нашей теме его следует сформулировать так: можно ли сегодня говорить о едином *«пространстве мысли» философии и богословия?* Привели ли последние столетия культурной истории к утрате такого единства или это только иллюзия утраты?

Европейская философия и христианское богословие взаимодействовали на протяжении многих веков. Богословие изначально заимствовало у философии язык, способ рассуждения и саму постановку проблем. Позднее богословие проложило новые пути мысли и продолжило дело античной философии в христианском контексте.

Однако пришло время, когда философия и богословие разошлись, а порой выступали как антагонисты. Конечно, имеется в виду строго церковное богословие и та философия, которая отказалась связать поиск истины с догматами веры. Однако в тот же период философия сохраняла многие богословские темы, а богословие не отказывалось от своей философской составляющей.

Сегодня нам предстоит обсудить, как соотносятся философия и богословие, *переставшие быть единым целым*. Конечно, это почти «неподъемная» задача, если иметь в виду всю историю христианского богословия и европейской философии. Есть множество различных богословий и философий, сформировавшихся в разных исторических и культурных контекстах. Мы сможем затронуть лишь некоторые аспекты их соотношения.

Думаю, прежде всего нужно обратить внимание на основополагающие позиции философии и богословия — тесно связанных и в то же время различных путей мысли.

Философу предстоит мировая данность. Он превращает свой опыт пребывания в мире в мировоззренческий дискурс. Вся динамика работы философа связана со стремлением привести во взаимодействие свою открытость миру, свою способность чувствовать и понимать мир с возможностями языка. Можно сказать, что философ находится между миром, который он воспринимает индивидуально, и языком культуры — языком, который предлагает ему способ понимания мира и говорения о нем. В этой ситуации задача и даже функция философа в том, чтобы задавать вопросы — как миру, так и существующей культуре. А затем предлагать ответы — не только самому себе, но и обществу.

Сегодня эта функция философа находится в пренебрежении. Философ не имеет значимого социального статуса. Прагматика обыденной жизни вытесняет философию — она же вытесняет и богословие. Не обнаруживается ли здесь некое «место солидарности» философа и богослова?

Долгое время антирелигиозная философия отторгала богословие как «сферу бессодержательного». Для многих стало общим местом, что богословское

высказывание не имеет реального предмета, коль скоро этот предмет есть предмет веры, а не опыта. Это означает допущение, что опыт религиозной веры выходит за рамки опыта пребывания в «реальном мире». Но что такое этот «реальный мир»? Или, иначе говоря, *что такое реальность для человека?* Такой реальностью является и сенсорное восприятие, и психологическое состояние, и культура, воздействующая на человека посредством своих языков. *Но в то же время и то, что называется надеждой, упованием, верой.*

Философ встречается с тем же миром и тем же человеком, что и богослов. *В чем же их отличие?*

Отличие заключается в том, что богослов стоит не перед миром и культурой, но прежде всего — перед Богом. И поэтому можно сказать, что для богослова мир — вторичен.

Богослов стоит перед Богом не как бытийной возможностью или же «гипотезой», которая поможет ему осмыслить этот мир. *Он стоит перед Богом, Который открывается ему в религиозном опыте.* Этот опыт является одной из реальностей человеческого мира. Однако не все люди обладают подлинным религиозным опытом, а многие заведомо рассматривают религию как «великую иллюзию».

Даже в эпоху христианской культуры, когда религиозная вера была всеобщим явлением, богословие по существу своему оставалось особым, исключительным путем мысли, поскольку его источником является созерцание, питаемое опытом встречи с Богом. Богословие имеет дело с реальностью, которая даже религиозным людям «не дана» автоматически, но взыскуется через духовное усилие.

В чем же *сходятся* богословие и философия?

Если исходить из представления, что философия, прежде всего, *вопрошает* и что ее ответы всегда не-

окончательны, а богословие, напротив, только *утверждает*, а значит, в конечном счете, *учит* «последним истинам», мы неизбежно уйдем от существа проблемы.

Необходимо признать, что философия — как традиция мышления — имеет некоторые неустранимые варианты ответов на фундаментальные, «вечные» вопросы. И в этом смысле философия едина, не подчинена моде, коль скоро она является ответственным, последовательным мышлением. Философия всегда задается «последними вопросами» — и поэтому сохраняет первенствующее значение в светской культуре.

Богословие, в свою очередь, не просто утверждает и проповедует то, что утверждает. Богословие всегда и вопрошает, поскольку оно осмысляет тот религиозный опыт — опыт встречи с Богом Живым, — который является истоком богословия. Этот опыт требует своего словесного выражения, а значит размышления, которое невозможно без постановки вопросов и поиска ответов на них. Богословие отвечает на те же вопросы, что и философия, хотя и исходит при этом из экстраординарного события богособщения.

В то же время в религиозной сфере именно богословие лучше всего знает или сознаёт, что в существе Своем Бог непознаваем, что то знание Бога, которое можно выразить в словах и понятиях, в символе и речи, всегда остается неполным. Более того, существует опасность превращения словесных определений Бога в идолов Бога. И потому богословие, которое *говорит о Боге*, снова и снова *возвращается к вере*, к первичной интуиции, к опыту духовного созерцания. Однако возврат к началу является одновременно и новым началом богословствования. Как и философия, богословие действует в

пространстве между интуицией и логическим рассуждением.

Отличие же богословия от философии в том, что «Бог веры» не является «философским Богом», то есть отвлеченным принципом, на который опирается логическое рассуждение. Бог веры не может быть «схвачен» — ни интеллектуально, ни психологически. Человек может двигаться навстречу Богу или страдать оттого, что этого движения не происходит, но ситуация встречи и отношения сохраняется. И поэтому Бог для человека никогда не бывает «окончательной» реальностью: Бог всегда — это самый близкий и самый далекий в одно и то же время.

Но именно поэтому Бог является не только объектом веры, но и предметом размышления. Бог веры ставит человека в ситуацию, в которой тот задает вопросы. Это вопросы как о Боге, так и о человеке, а также о богозданном мире.

Думаю, что именно необходимость искать ответы на эти вопросы, необходимость размышления, имеющего свои собственные логические законы, и сближает богословие с философией.

В целом же богословие идет путем, подобным философскому. Оно не сторонится философии, но, напротив, привлекает ее для того, чтобы ставить правильные вопросы, и действует на ее поле. Истинное богословие — размышляет. Можно даже сказать, что богословие является «частью» философии, одним из способов разрешения философских проблем. И наоборот: философия — «часть» богословия, потому что само христианское богословие возникло как синтез евангельской веры и философского мышления античности.

Философия же не может игнорировать богословие прежде всего потому, что в числе своих «последних вопросов» она сталкивается с вопросом, который

порожден религией: с вопросом о Боге как «предельном основании» или, наоборот, как о той «встрече», которая имеет решающее значение для вечной судьбы человека и определяет динамику его духовного пути.

Для православного богословия XX век, как известно, стал эпохой возвращения к Святым Отцам. Применительно к нашей теме это означает, что современная богословская мысль обратилась к *новому* прочтению тех христианских мыслителей, которые были теснейшим образом связаны с философией своего времени. Речь идет о периоде творческого становления христианского мировоззрения, детальной разработки догматического учения, преодолении «языческого» в античном наследии и формировании нового языка, способного выразить евангельскую веру в философско-богословских терминах.

Богословы христианской древности находились в постоянном диалоге с современной им философией. Обращаясь к Отцам, мы должны учиться у них этому диалогу. Это необходимо для того, чтобы нынешние богословы смогли вступить в подобный диалог с современным философским мышлением. Возможно, следует говорить о *выработке нового богословского языка*. Это, разумеется, не означает измены догматическому учению Церкви, но, наоборот, должно способствовать такому выражению этого учения, которое позволит диалогу состояться.

Среди тем, которые могли бы стать предметом диалога богословия и философии, хотел бы выделить *антропологию*. Для христианства тема о человеке является центральной, поскольку все христианское богословие строится вокруг Христа, то есть события Боговоплощения. Бого-словствование всегда есть и человеко-словствование, теология связана с антропо-логией, ибо Христос — Богочеловек,

а потому можно сказать, что *Истина* – богочеловечна. Бог открывается через человека и в человеке, а человек обретает человечность, становится в полном смысле человеком только в своей обращенности к Богу.

Возможно, именно это христианское видение человека поможет по-новому осмыслить как наследие европейского гуманизма, так и современные процессы дегуманизации.

Что касается вопроса об общем «пространстве мысли» богословия и философии, думаю, что дело не только в том, чтобы обнаружить его, обращаясь к традиции и к современному мышлению. *Это пространство необходимо создавать в процессе содержательного диалога*, который будет полезен как богословам, так и философам. Верно, что подлинно глубокая мысль рождается в уединении, но в то же время ее развитие невозможно вне слышания другого и разговора с ним, вне интеллектуальной полемики. Всякая мысль, чтобы продолжиться, должна быть поставлена под вопрос.

В этом смысле новая встреча и сотрудничество философии и богословия чрезвычайно важны, прежде всего, для самого богословия, иначе существует риск его полного выпадения из современной культуры. А с другой стороны, такая встреча важна и для культуры, потому что, в конечном счете, именно «высокая мысль» определяет культурные процессы – вплоть до той обыденной прагматики, которая ею пренебрегает.